

Юрген Кокка

СОЦИАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ МЕЖДУ СТРУКТУРНОЙ И ЭМПИРИЧЕСКОЙ ИСТОРИЕЙ

Jürgen Kocka. Sozialgeschichte zwischen Strukturgeschichte und Erfahrungsgeschichte. In: W.Schieder und V.Sellin (Hg.). Sozialgeschichte in Deutschland. Göttingen: Vandenhoeck und Ruprecht, 1986, Bd.1, S.67–88.

© Vandenhoeck und Ruprecht, 1986

Перевод к.и.н. А.Н.Родионова.

«Почти без шума, совершенно мирным образом в западногерманской исторической науке произошла смена перспектив: от изучения разреженной атмосферы канцелярий и салонов, деяний верховных лиц и государственных событий, от анализа глобальных общественных структур и процессов она обратилась к малым жизненным мирам, серым зонам и нишам повседневной жизни» (Ullrich, 1985, S.403). Это, конечно, упрощение, поскольку прежняя, ориентированная на политику историческая наука не исчезла¹. И нельзя, к счастью, сказать, что сегодняшняя историческая наука пренебрегает социальными структурами и процессами (такими, как развитие индустриального капитализма или протоиндустриализация, создание национальных государств, революции или образование классов)².

К тому же о существовании «серых зон» можно говорить только при наличии черно-белого изображения, а «ниши» появляются только тогда, когда есть хотя бы приблизительное представление о помещениях и архитектурном ансамбле в целом. Изучать серые зоны и ниши сами по себе – это бессмыслица. Но, в сущности, цитата Фолкера Ульриха совершенно точно описывает тенденции развития новейшей исторической науки, которые отдельные историки оценивают по-разному и которые уже явились поводом для многочисленных дебатов (см.: Bruggermeier und Kocka, 1986; Borscheid, 1983; Peukert, 1982; Tenfelde, 1984; Niethammer, 1980; Süßmuth, 1984). «Экспедиции в историческую повседневность открывают обширные неисследованные пространства. Как жили люди раньше? Как они одевались и чем питались? Как они отмечали свои праздники и как относились к рождению, болезни и смерти? Казалось бы, банальные вопросы, которыми историки долгое время не задавались. Но сегодня они больше не останавливаются перед

¹ В качестве примера общего изложения, ориентированного на политическую историю, см., например: Geschichte der Bundesrepublik Deutschland. 4 Bde. 1981–1984; особенно статью K.Hildebrand (Bd.4); см. также мою рецензию на эту работу в: Die Neue Gesellschaft/Frankfurter, 1985, H.32, S.864–866.

² Весьма удачным примером является многотомная ольденбургская серия очерков по общей истории (Oldenburg Grundriss der Geschichte). См., например, очерки W.Dahlheim (Bd.3); H.Lutz (Bd.10); E.Fehrenbach (Bd.12); D.Langewiesche (Bd.13); L.Gall (Bd.14); F.Kolb (Bd.16).

тем, чтобы опуститься в глубины повседневной жизнедеятельности» (Ulrich, 1985, S.403).

I. ПОНЯТИЕ СТРУКТУРНОЙ ИСТОРИИ У ВЕРНЕРА КОНЦЕ

В свете этих новых тенденций заманчиво перечитать основополагающую работу представителя тех взглядов, против которых так резко ополчились сегодняшние историки повседневности. Речь идет о работе Вернера Конце «Структурная история индустриально-технической эпохи. Задачи исследования и преподавания» (Conze, 1957). С одной стороны, спустя столько лет этот доклад перед Дюссельдорфской академией читается как дипломатичная, осторожная и еще не отточенная программная речь, произнесенная с целью создания междисциплинарного исследовательского института истории индустриально-технической эпохи (то есть периода с конца XVIII в. до настоящего времени). С другой стороны, появление впоследствии новых, отвергающих структурную историю течений продемонстрировало большое позитивное значение разработанной Конце в 50-х годах программы развития современной структурной истории в Федеративной республике (Conze, 1952, 1957, 1962, 1965, 1966, 1967, 1979). Несомненно, речь идет об одной из важнейших попыток, предпринятых в первые годы существования Федеративной республики, переосмыслить опыт современной истории и сделать из него выводы для дальнейшей работы историка.

Хотя Конце прямо не упоминал национал-социалистическую диктатуру, вторую мировую войну и крах германского национального государства, он все же явно исходил из сформулированного «в разгар европейской катастрофы наших дней» (и, конечно, под ее влиянием) вывода голландского историка Й.Хейзинги, который констатировал внутреннее, принципиальное «изменение форм истории с середины XIX в.» Историю индустриально-технической эпохи, в отличие от истории прошлых столетий, – отмечал Конце, развивая идеи Хейзинги, – больше нельзя писать как эпос и драму отдельных действующих лиц, равно как и историю государств; напротив, современность более чем прежде определяется надындивидуальными процессами, прежде всего развитием экономики и технической цивилизации. Наличие этих процессов позволяет говорить, согласно Конце, о некоем всемирно-историческом единстве. Роль масс в истории также изменилась: со времени «кризиса эмансипации», произошедшего около 1800 г., социальные движения вступали на историческую сцену совершенно иным образом, чем в прежние столетия. Массы стало невозможно рассматривать как голый «фон» исторических решений и действий.

Конце писал, что современная история избегает статичных описаний и сухого повествования, основанного лишь на «здравом историческом понимании». «Res gestae (деяния (лат.) – Прим. пер.) в старом смысле, пожалуй, только тогда с чистой совестью можно будет сделать содержанием исследования, когда они получают структурно-историческую основу, которая полностью учитывает произошедшее изменение формы исторического процесса». Конце считал, что историки еще не до конца приноровились к этой новой для них ситуации. Исторический метод необходимо развивать, чтобы облегчить познание структурных и причинных связей. Конце призывал «по-новому толко-

вать и комбинировать методы, понятия и содержательные выводы систематизирующих наук, приспособляя их к структурной истории». Он выступал за тесное сотрудничество с социологией, политической и экономической науками. Он критиковал сверхспециализацию историков и ратовал за такие темы, методы и постановку вопросов, которые преодолевают разделение истории на политическую, социальную, экономическую, культурную, духовную и т.д. Именно эту всеобъемлющую, синтезирующую задачу призвана выполнить «структурная история» (иногда он в качестве синонима говорил о «социальной истории»)³, которая не должна выносить политическую историю за скобки, а, скорее, должна сама быть ею, но «только для того, чтобы учитывать, в первую очередь, не *res gestae*, а структуры в их непрерывности и трансформации». Конце выступал за сочетание типологизирующего и индивидуализирующего методов в исторической науке. Он боролся за использование статистики (не переоценивая ее) в интересах исторического исследования, в то время как многие вокруг него, подобно консерватору Хейзинге, полагали и полагают, что «в числе, однако, тонет повесть и не рождается картина».

Тридцать лет спустя многое в этой программе подвергается критике.

Во-первых, она, возможно, переоценивала глубину преобразования структур при переходе от XVIII к XIX в. И в прежние века структуры и процессы обладали значительным историческим весом, а история нового времени станет менее весомой, если излагать ее как историю действий и событий. Быть может, речь идет не об объективном изменении исторических процессов с наступлением нового времени, как полагали Конце с Хейзингой, а, скорее, об изменившемся отношении современников к своему прошлому. Такова, например, точка зрения Х.Моммзена (Mommesen, 1966, S.31ff).

Во-вторых, проблематичным и сбивающим с толку было и остается отождествление структурной и социальной истории, к чему я еще вернусь.

В-третьих, из работ Конце читатель чрезвычайно мало узнает о причинах и движущих силах глубоких структурных изменений, которые Конце трактовал во всеобще-историческом смысле. Вопрос о причинах ставится лишь на полях. Изменение экономической структуры скорее предполагается, чем объясняется: например, ничего не говорится о становлении капиталистического рыночного хозяйства, его конфликтах и динамике. Ссылки на стадии развития техники и возрастающее господство над природой, как на факторы прогресса, остаются категоричными: как звенья цепи исторических связей они сами по себе нуждаются в объяснении.

Наконец, весьма скромны и методологические выводы, которые Конце делает из своих принципиальных рассуждений. Множество не-

³ Впрочем, не всегда. Он использовал понятие «социальная история» и в более узком смысле, имея в виду один из разделов истории: «Не надо говорить "социальная история", чтобы с самого начала не сужать слишком рамки работы» (Conze, 1979, S.26). Но постепенно словарь Конце все больше пропитывался синонимичным употреблением понятий «структурная история» и «социальная история», а основанный им в 1956–1957 гг. и существующий до сих пор институт был назван «Рабочей группой по современной социальной истории», причем социальная история понималась в очень широком смысле.

точных, даже противоречивых формулировок вводят читателя в заблуждение⁴. Поэтому и в критике не ощущалось недостатка⁵.

С другой стороны, нельзя упускать из виду три крупных достижения структурно-исторического подхода.

1. Когда будет написана подробная история развития исторической науки после 1914 г., она, вероятно, продемонстрирует, насколько новаторским было в свое время это отнюдь не магистральное направление. Лишь постепенно выработанная в 50-е годы программа структурно-исторических исследований получила резонанс и широкое распространение (см.: Brunner, 1948, 1980 [1953], S.80–102; Schieder, 1952, S.27–32; 1962, 1968b; Jantke, 1955, S.91ff; Freyer, 1952, S.14ff)⁶.

В этом отношении оказалось важным то, что Конце, хоть и в меньшей степени, чем часто цитируемый им Бродель, безусловно обладал не только научно-политическими амбициями, но и научно-организаторскими способностями. Достаточно упомянуть об основанной им в 1956–1957 гг. «Рабочей группе по современной социальной истории» (см.: Conze, 1979).

2. Структурно-исторический подход несомненно учитывал накопленный в XIX и XX вв. исторический опыт, свидетельствовавший о власти обстоятельств. То, что намерения и результаты действий людей часто не совпадают, а возможности индивидуальных действий жестко ограничены экономическими процессами, социальными движениями и политическими институтами; что история никогда не является лишь историей поступков и намерений людей, и многое из прошедшего не было познано или было познано неверно; что история состоит не только из эмпирических, но и из функциональных связей, которые более значимы, чем устремления отдельных людей и притом не могут быть осознаны без учета этих устремлений – таков был опыт, основанный на реальности. Этот опыт начал осознаваться представителями высших и средних слоев (а именно к ним большей частью принадлежали историки), *самое позднее* со времени становления индустриального капитализма, а после взрыва социальных движений XIX в., великих, в большинстве случаев непонятных кризисов рыночной экономики, после мировых войн и политических катастроф XX в. его уже нельзя было игнорировать. В нижних социальных слоях это ощущение относительного бессилия отдельных людей перед обстоятельствами появилось, видимо, гораздо раньше. Антисоциологическое, идеалистическое, замкнутое на действиях, лицах и идеях представление об исторических изменениях, которое задавало тон в исторической науке XIX – начала XX в., диссонировало с этим опытом.

⁴ Таковы, например, противоречивые высказывания о соотношении между исторической наукой и смежными систематическими науками: «стирание границ» (Conze, 1957, S.18) и «нарушение границ» (S.22), в которых ключевое понятие «структура» так и не было разъяснено.

⁵ Прежде всего это относится к идейно-политической критике (см.: Schmidt, 1967, S.626ff). Наиболее резкие суждения можно встретить в работе: Wehler, 1975, S.18. Изложение моей позиции см. в: Коска, 1986, S.70–82.

⁶ Предшественницей структурно-исторического подхода была «народная история», возникшая в 1930-е годы и нуждающаяся в дополнительном освещении. См. работы, написанные в то время: Brunner, 1936, 1943, 1965 [1939]; Oexle, 1984.

Можно различными путями теоретически обосновать и классифицировать этот опыт: как, скажем, утрату единства продукта и производителя, реализующуюся в отчуждении и присвоении; как угрожающее обретение самостоятельности историческим процессом, который первоначально вытекает из человеческих действий, но постепенно превращается в неуправляемую силу, угрожающую действующим лицам; или как отчуждение, преодоление которого возможно в разумно организованных обществах, к чему и следует стремиться, следуя критериям Просвещения и эмансипации. Конце был далек от этого гегельянско-марксистского видения, адекватность которого вызывает большие сомнения. Он разделял идеи Фрайера, не пускаясь, однако, в слишком принципиальные философские рефлексии, а исходя из факта относительного бессилия индивидов перед лицом «технических функциональных связей второстепенных систем», «непросматриваемых циклов» и «принуждающих структур».

Парадигматически-методический вывод, который Конце сделал из подобных размышлений, опираясь на свое понимание истории структур и процессов, оказался настолько формальным и общим, что он, возможно, был приемлем и для тех, кто теоретически классифицировал этот опыт иначе, чем Конце. Но это оказалось скорее плюсом, чем минусом, ибо в то время требовалось заниматься не реконструкцией человеческих действий, опыта и идей, а анализом структурных изменений, которые прошлое заключало в себе и приводило в движение. Несомненно, это резко повысило теоретический потенциал исторической науки. В структурной истории наконец заявил о себе существовавший, в принципе, с конца XVIII – начала XIX в., но долгое время находившийся в тени феномен значительного влияния на историческую науку надындивидуальных коллективных явлений, в отличие от индивидуальных решений и действий, практики, событий и лиц (Schieder, 1968b, S.156ff; Mommsen, 1966, S.31).

3. *In nuce* (в зародыше (лат.) – *Прим. пер.*) в программе структурно-исторической школы 50-х годов было заложено многое из того, что в 60–70-е годы было разъяснено и апробировано в рамках «исторической социальной науки» (см.: Коска, 1985b, S.170–172). Это – акцент на структурах и процессах исторической эволюции; требование дополнить преобладающее в традиционной исторической науке герменевтическое понимание смысла за счет обобщающе-типологизирующих аналитических приемов; призыв к тесному сотрудничеству со смежными систематизирующими науками и интерес к их методам, теории и результатам; претензия на познание общего экономического, социального, политического и культурного контекста. Правда, вскоре в исторической социальной науке начался процесс отхода от позиций Конце. Более того, более поздняя программа исторической социальной науки по основным положениям заметно отличалась от программы структурно-исторического направления 50-х годов. В ней гораздо определеннее выражалось стремление разъяснять применяемую теорию, акцентировалось внимание на социально-экономических и социально-структурных причинных факторах и их воздействие на политику и культуру. Ее понятийный аппарат использовался для преодоления современного противостояния государства и общества, но не в староевропейском духе (посредством, в конечном счете тщетного, «преодоления разъединяющего мышления»). Признавая существование разграничения между обществом и государством, предста-

вители этого подхода сосредоточили внимание на изучении взаимодействия между этими разграниченными сферами. Кроме того, более поздняя программа исторической социальной науки и прямо, и косвенно ориентировалась на практические общественно-политические цели, такие как эмансипация, просвещение, критика традиций и власти.

Можно резюмировать, что структурная история подразумевает научно-исторический подход, который можно применить ко всем сферам исторической деятельности, то есть как к социальной сфере, так и к политической, как к экономическому развитию, так и к миру идей и культуры⁷. В итоге на переднем плане оказываются «отношения» и «обстоятельства», надындивидуальные тенденции и процессы и, в меньшей степени, – отдельные события и лица. Взгляд структурной истории обращен, скорее, на условия, свободу действий и возможности человеческого опыта и поступков в исторической ретроспективе, чем на сам индивидуальный опыт, мотивы, решения и действия. Социальные историки пристально изучают, скорее, коллективные феномены, чем индивидуальные. Они делают предметом исследования те сферы реальности, которые следует раскрывать преимущественно посредством описания и объяснения, а не герменевтического понимания смысла. При таком подходе в фокусе оказываются прежде всего относительно долговременные, «крепкие», с трудом поддающиеся изменению феномены, медленно эволюционирующие слои действительности, а не те, которые быстро преобразуются и слабо сопротивляются воздействию на них импульсам. Наконец, этот подход часто нацелен (как у Конце) на охват широких связей, на исторический процесс в целом, в его синхронном, а подчас и диахронном измерении.

II. КРИТИКА С ПОЗИЦИЙ ИСТОРИИ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

Долгое время сторонников структурно-исторического подхода упрекали в том, что они не учитывают уникальность отдельных событий и свободу действующей личности. История событий и действий совершенно справедливо понималась как альтернатива, антитеза или дополнение структурной истории (см., например: Bosch, 1977; Born, 1973; Schieder, 1962). В последние годы линия размежевания слегка сместилась. Представители «истории повседневности» не критикуют «современный социально-исторический подход» за недостаточное внимание к отдельным событиям и недооценку значения великих деятелей, таких, например, как Бисмарк или Гитлер. Они выдвигают возражения иного рода: «Под маской теорий модернизации или системных теорий, взор ее (современной социальной истории – Ю.К.) всегда устремлен на широкие социальные структуры и процессы. Вопрос же о том, как люди испытывают на себе и переживают воздействие этих структур и процессов, почти полностью выносится за скобки. В критике этой ограниченности заключался важный отправной

⁷ Это часто упускают из вида, неверно отождествляя социальную историю со структурной, а политическую историю – с историей событий и действий (подробнее см.: Коска, 1986b, S.77ff). Повод для этого дает основное течение французской историографии (рупором которого является журнал «Анналы»), которое традиционно развивало историю структур и процессов, но, к сожалению, большей частью оставляло без внимания историю политических событий и действий.

пункт для включения в сферу истории повседневности комплекса представлений о себе и о мире тех, кого коснулась история». История повседневности провозглашает также «отказ от односторонних представлений марксизма, о том что прошлое можно пытаться объяснить лишь исходя из действия сверхмощных экономических императивов, знаменитых "объективных условий". К старой логике модернизационно-теоретических или политэкономических исторических конструкций предстоит добавить свежую струю субъективного фактора. Иначе говоря, речь идет о том, чтобы вернуть жизнь отдельным людям с их желаниями и неудачами, страданиями и творческими способностями» (Ullrich, 1985, S.405).

Таким образом, история восприятий и опыта интересуется внутренней субъективной стороной прошедшей действительности, которой не уделяет внимания структурная история. Но вызов, брошенный представителями истории повседневности, включает в себе гораздо большее (подробнее см.: Коска, 1982, 1984, 1986а, 1986b, S.167–174). Я остановлюсь на этом центральном и, по моему мнению, наиболее продуктивном аспекте критики социальной истории с позиций истории повседневности и выскажу свои суждения по этому поводу в пяти пунктах.

1. Доводы, которые программа структурно-исторического подхода, начиная с 50-х годов, и программа исторической социальной науки – с 60-х годов выдвигали против традиционного сведения предмета исторической науки к историческим событиям, решениям и деятелям, относятся в полной мере и к возможной абсолютизации подхода с позиций истории восприятия и опыта массы «маленьких людей»: история не исчерпывается тем, что люди воспринимают и узнают. Основанная лишь на герменевтическом понимании смысла реконструкция прошлого восприятия и опыта не способна дать понимание истории как целого. В сущности, историкам различных направлений еще предстоит достичь согласия по этому вопросу. Это можно показать на двух примерах.

Как, например, понять, что означало начало почитания святых для членов раннехристианских общин III–IV вв., для духовного опыта этих людей и их представлений о действительности? Чтобы понять, почему почитание святых началось в III–IV вв., почему этот феномен стал возможен в экономических, социальных, политических и культурных условиях эпохи поздней Римской империи, что он «означал» для общества того времени и для его будущего развития – для ответа на все эти вопросы недостаточно весьма сложной и, одновременно, крайне условной реконструкции смысла, который имело поклонение святым с точки зрения опыта членов тогдашней общины. Для этого требуется, скорее, глубокий структурно-исторический анализ истории хозяйства, общества, политики и культуры того времени, включая теорию политического действия в античном обществе (подробнее см.: Martin, 1985, S.48–51).

Следующий пример мы приводим с целью показать, что выводы, опирающиеся на изучение восприятия и опыта, могут быть просто «обманчивыми». Представим себе, что историк собирается исследовать волну антисемитизма в сельской местности, которая поднялась в 80-е годы XIX в. в некоторых областях Германии (в частности, в Верхнем Гессене), привела в рейхстаг несколько депутатов новой антисемитской партии (Бекеля, Альвардта) и в 90-е годы сошла на нет. Допустим, что этот историк ограничился бы реконструкцией субъективного опыта средних и мелких крестьян Верхнего Гессена, постоянно ходивших в должниках у

притеснявших их ростовщиков и скотопромышленников. Поскольку последние часто были евреями, антисемитизм крестьян имел видимые причины. Подобная трактовка имела бы фатальный исход, а именно: совершенно порочную интерпретацию, удваивающую искаженный опыт и предубеждения тогдашних «маленьких людей»⁸. Лишь когда историк попытается не только действительно серьезно отнестись к опыту и представлениям участников исследуемых событий, но одновременно и понять ситуацию, как бы погрузившись в среду (непознанную или познанную отчасти), он сможет приблизиться к исторической правде. Но для этого он должен подробно рассмотреть всплески экономической конъюнктуры и продолжительный аграрный кризис того времени (наряду с его отдаленными причинами, связанными, например, с новыми возможностями морского транспорта и с сельскохозяйственным производством в Северной Америке); тогдашние отношения между городом и деревней; кризис либерализма в условиях депрессии 70–80-х годов; многовековую историю евреев в христианской Европе; их «внедрение» в немецкое общество, начиная с реформ на заре прошлого века; причины «избыточного» представительства евреев в определенных, ставших особо важными при индустриализации профессиях, и т.д., и т.п. Все это и является историческим анализом структур и процессов, который не должен подменять историко-эмпирическую реконструкцию страданий, возмущения и, как следствие, антисемитизма в крестьянской среде, но и сам не может быть подменен подобной реконструкцией.

Структуры и процессы⁹ представляют собой нечто большее, чем сумма индивидуальных «опытов», они часто не присутствуют в последних или присутствуют в искаженном виде, и наоборот, – опыт не детерминируется целиком структурами и процессами. Эти два измерения действительности не совпадают, между ними есть расхождение. С одной стороны, социальная история без эмпирической возможно страдает односторонностью и неполнотой. С другой стороны, социальная история как история структур и процессов не растворяется в эмпирической истории, она шире ее. И уж совсем не следует ожидать, что историко-эмпирический материал можно

⁸ К сожалению, именно такой подход воспроизведен в: Alltagsgeschichte..., 1984, S.52ff.

⁹ Под событием можно понимать связанную цепь происшествий, которая от начала до конца осознается современниками как смысловое единство в рамках определенного времени, и поэтому может «рассказываться» историком также в категориях хронологической последовательности. События характеризуются тем, что они не претупают ту сферу опыта участников события, «которую можно зарегистрировать хронологически»; они вызываются или переживаются реально существовавшими лицами. События обусловлены структурами, но не являются целиком производными от них. В этом случае под структурами понимаются связи (не обязательно доступные сознанию как смысловые единицы) или заранее заданные схемы, которые «возникают во времени, но не в строгой последовательности познаваемых событий» и проявляются через обусловленный временем опыт людей, живущих в одну эпоху. Поэтому «структуры» не могут быть «рассказаны» как события и осознаны как опыт. Структуры, которые содержатся (если даже и не целиком) в событиях и опыте, «расположены иным образом, чем в хронологическом смысле прошлого»; и поэтому могут улавливаться в событиях и опыте в качестве их проявления только частично (подробнее см.: Koselleck, 1973, S.307–317; Kocka, 1986, S.73ff). Я, таким образом, отлучаю «структуру» не от «процесса», а от «события», «действия» и «опыта»).

использовать для подтверждения синтезирующих обобщений структурной истории. Историко-эмпирический подход не представляет собой альтернативу прежней социальной истории, даже если он способствует ее внутреннему обогащению и смене акцентов.

2. Часто критика современной социальной истории с позиций истории повседневности содержит требование ее историко-эмпирического и историко-культурного расширения или трансформации. Требуют изучать «культуру» и «образ жизни» «маленьких людей» и ожидают, что таким образом можно лучше понять их опыт и восприятия, действия и заботы (ср.: Berdahl u.a., 1982, S.9ff; van Duermen und Schindler, 1984). Здесь следовало бы проводить более четкое различие. История культуры и история опыта – это не одно и то же, и реконструкция культуры прошлого тоже требует структурно-исторических приемов.

Когда сегодня требуют реконструировать «народную культуру», «рабочую культуру», «культуру маленьких людей», то речь не должна идти о вычленении обособленных подсистем высокой культуры, характеризующихся собственными институтами и специализированным персоналом. Представляется, что культуру в контексте таких требований и новых подходов следует, скорее, понимать как систему (некую «сетку» или «образец») знаков¹⁰, которая позволяет осмыслить действительность значительному числу людей (профессиональной группе, сословию, классу, религиозной общине, деревне, народу, членам общества и т.д.).

Именно освоение этой «сетки» делает возможными социальные отношения (коммуникацию, единство и размежевание), и определяет отношение человека к самому себе и к своему окружению, включая природу. «Образцы» знаков содержат информацию о верном и ложном, добром и злом (справедливом и несправедливом), прекрасном и безобразном. Они формируют контекст, в котором люди воспринимают действительность и упорядочивают свои представления о ней, дают нравственные оценки деяниям, поступкам и нововведениям и вырабатывают эстетические суждения. Образцы знаков являются медленно меняющимися характеристиками менталитета, деятельности, образа жизни людей. Значимые, толкующие смысл системы знаков находят свое выражение во множестве феноменов. Это не только определенные тексты, нормы, символы, произведения искусства, устная традиция, религиозные акты, ритуалы, обычаи, жесты и т.д., которые прямо служат толкованию смысла, но и «творения и изделия», имеющие иную функцию – например, удовлетворение других потребностей (в труде, в осуществлении власти, в аргументированном убеждении, в воспроизводстве). В этом отношении многие другие проявления жизни, действия или их результаты – ремесленный труд, парламентская речь, любовные отношения, меры наказания, образцы промышленных изделий, устав общественной организации – можно одновременно интерпретировать также и как моменты культурной связи. «Культура» в этом смысле изменяется во времени, но она не подвержена быстрой трансформации; напротив, она обладает достаточ-

¹⁰ См.: Geertz, 1973, p.3–30; Walters, 1980, p.537–556, 582, 585; Bourdieu, 1974, S.47–74, 125–158; Burke, 1981 [1978], S.9. К Гирцу, Бурдье и Берку часто обращаются представители нового культурно-исторического подхода. Весьма информативна в этом отношении работа В.Лепениса, использующая широкий круг литературы (см.: Lepenies, 1979, S.125–136). См. также: Koska, 1979, S.8.

ным относительным постоянством и весомостью, чтобы, несмотря на эволюцию индивидов, опыт и действия которых она выражает, направляет и воспроизводит вновь и вновь, сохранять способность оставаться идентичной самой себе и передаваться – от человека к человеку, от поколения к поколению¹¹.

Несомненно, анализ культуры, понимаемой таким образом, подводит к обыденным восприятиям, опыту, усвоению реальности и действиям людей, живущих в одно время. Что означало постепенное развитие рыночного хозяйства, а затем крупного фабричного производства для ремесленников-подмастерьев 40-х годов XIX в.? Как эти процессы (или структурные изменения) осознавались ими? Почему эти люди занимали относительно них ту или иную позицию, и относились к ним так, а не иначе? На все эти вопросы можно ответить, только обладая четким представлением о культуре конкретной социальной группы, о свойственном ей менталитете, обыденном образе жизни и способности рассуждать. Культура в таком понимании задает координаты и управляет восприятием действительности, накоплением опыта, возникающим из опыта осознанием проблем и инициативными действиями. Хотя отдельные смыслопроизводящие знаки, то есть культурные действия (рассказывание сказок, демонстративное развертывание знамени, ярмарки), могли восприниматься современниками как значимые и рациональные и, в случае своей действенности, даже становиться таковыми, это не обязательно относится к «сетке» знаков, а также к культуре, частью которой были эти отдельные знаки и действия. Распространение этой «сетки» во времени опережает распространение опыта отдельных людей. Чтобы расшифровать всеобщий «смысл» этой сетки (который, разумеется, зависит от постановки вопроса исследователем, поэтому лучше избегать разговора о ее «социальной логике»), требуется больше, чем реконструкция опыта, в котором этот смысл представлен лишь отчасти и, возможно, в искаженном виде. Скорее, необходима расшифровка культурной структуры, которую из опыта индивидов можно понять лишь частично. «Культура» и «структура» не являются ни противоположностями, ни понятиями, между которыми существуют «натянутые отношения».

Далее, культурная история не идентична эмпирической истории¹². Культурная история, если ей грамотно заниматься, несомненно включает в себя историко-эмпирические компоненты; она подводит к восприятию, опыту и действиям людей соответствующей эпохи. На этом, по-видимому, основывается ее нынешняя привлекательность. Но ей нужны и структурно-исторические приемы, и, соответственно, теории. Культурная история не обязательно ведет к реконструкции повседневного опыта и достигает этого уж совсем не "изнутри". Опыт людей определенной эпохи нельзя, ко-

¹¹ Эта традиционность, охватывающая конкретный опыт действующих субъектов, относится, конечно, и к таким постоянно используемым категориям как «менталитет» и «образ жизни», которые очень часто тесно связывают с «культурой» Ср.: Williams, 1977, S.50; Medick, 1982, S.160.

¹² См.: Ullrich, 1985, S.405. Ср. также с мнением Лепениса: «Аналитическое преимущество [в исследовании "рабочей культуры"] состоит в том, что определяемое культурой поведение и образ жизни кажутся более устойчивыми, чем политические представления и действия; поэтому они представляются предпочтительными объектами для тех, кто ориентирован на структурно-исторический подход» (Lepenies, 1979, S.132).

нечно, реконструировать без учета характерных для них образцов толкования культуры, но и ограничиваясь только герменевтико-смысловой реконструкцией опыта понять их культуру до конца невозможно.

3. Ни социально-исторический подход в духе Конце, ни «историческая социальная наука», ни подавляющая часть социально-исторической литературы последних трех десятилетий не оставляли совсем без внимания восприятие и опыт людей, вовлеченных в социальную жизнь и преобразующих ее. Это относится и к тем, кто находился у основания социальной пирамиды, и к тем, кто пребывал на ее вершине. Здесь критика бьет мимо цели. Конце с самого начала предостерегал от абсолютизации структурно-исторического подхода. С почти раздражающим консерватизмом он настаивал на необходимости работы с источниками, чтобы «воспринимать историю непосредственно в документах, обнаруживать или уточнять понятия по источникам и всегда делать общие проблемы конкретно-наглядными, рассматривая их в соответствующем историческом контексте».

Для выполнения структурно-исторической программы он рекомендовал микроисторическое изучение города и деревни и призывал, наряду со статистикой, использовать методы, применяемые при изучении истории идей, и методы биографического подхода (ср.: Conze, 1957, S.21; Conze, 1966, S.25–26). Программа исторической социальной науки постоянно подчеркивала необходимость сочетать «аналитические и герменевтические приемы» (см.: *Geschichte und Gesellschaft*, 1975, H.1, S.5). Нужно лишь однажды просмотреть близкие по духу к исторической социальной науке публикации, чтобы обнаружить, насколько серьезно их авторы, несмотря на весь интерес к структурам и процессам, освещают и с большим или меньшим успехом пытаются понять опыт соответствующих социальных групп¹³.

Структурно-исторический подход не является монополией социальной истории, но и последняя не сводима к анализу структур; в задачи социальной истории входит также исследование социальных действий и опыта¹⁴. Тот, кто ограничивается анализом исторических структур и процессов, отказывается, тем самым, от фундаментального положения о том, что исторические структуры, особенно в фазе их возникнове-

¹³ Ср. работы Х.-У.Велера «Бисмарк и империализм», Ю.Кокки «Управление предприятиями и служащие», работы Р.Рюрупа по антисемитизму, исследование К.Тенфельде о шахтерах Рурской области, а также книгу Х.Райфа об аристократии Мюнстера в XVIII–XIX вв. Меньше всего это относится к строго ориентированному на методы квантификации «историческим социальным исследованиям», публикуемым в журнале «*Historical Social Research/Historische Sozialforschung*». Но упор на количественные методы не является необходимым признаком структурной истории и социальной истории, теоретически ориентированной в духе исторической социальной науки. См. более подробное и снабженное примерами разъяснение в: Коска, 1984, p.169–178.

¹⁴ При этом социальная история, с одной стороны, понимается как научно-историческая поддисциплина, которая отличается от других научно-исторических поддисциплин (таких как история политики, история хозяйства и история культуры) своим особым предметом, включающим социальные структуры, процессы и действия. С другой стороны, социальная история претендует, как на свой предмет исследования, не меньше чем на историю целых обществ, то есть на то, чтобы охватывать всю всеобщую историю в ее социально-историческом ракурсе.

ния, являются следствием индивидуальных и коллективных действий и постоянно испытывают их влияние, укрепляясь и изменяясь под их воздействием, какой бы ни была их собственная динамика, какой бы отпечаток они, в свою очередь, не накладывали на опыт и действия, и как бы мало они в итоге не совпадали с целями человеческих поступков или с человеческим опытом. Речь идет о том, что связь между структурами и процессами, с одной стороны, и между действиями и опытами – с другой, следует понимать как исторически меняющееся отношение преломления и несовпадения, но вовсе не о том, чтобы эту связь оспаривать или оставлять без внимания. Пренебрегать ею означает в методологическом смысле либо объективистски сводить историческую действительность к структурам и процессам, либо субъективистски не осознавать ее как связь действий и опыта. Последнее было бы досадно, ибо свидетельствовало бы об утопичности нашего мышления.

4. Представляется, однако, что социально-исторические исследования последних двух десятилетий чрезмерно сконцентрировались на анализе структур и процессов, а разработка проблемы опыта и действий людей прошлого осуществлялась в основном косвенным образом, при этом не всегда учитывалась связь структур и процессов с опытом и действиями. Применявшиеся в социальной или в социально-экономической истории теории отличались тем, что облегчали исследование структур и процессов, но затрудняли понимание их связи с действиями и опытом. Возьмем для примера теорию социального протеста. Она давала возможность историкам исследовать связь между различными формами протеста, с одной стороны, и индустриализацией, уровнем жизни, урбанизацией и формированием городов – с другой. Например, «структурный» вопрос о том, являются ли частые стачки и беспорядки результатом разрыва низших слоев со своими социальными корнями, или они, скорее, свидетельствуют об их адаптации, формулируется в подобных исследованиях вполне четко (см., прежде всего: Tilly e.a., 1975; см. также: Husung, 1983; Volkmann und Bergmann, 1984). Но надежды и страхи, опыт и позиции протестующих людей при этом часто остаются на обочине. Можно привести много подобных примеров.

В этом отношении критика, которой подвергается социальная история со стороны представителей истории повседневности, продуктивна. Она настаивает на неоспоримой, но не всегда полностью учитываемой необходимости всерьез воспринимать и реконструировать опыт, принципы и действия людей прошлых времен. Критикуя социальную историю с этих позиций, сторонники истории повседневности настойчиво отстаивают свое право на изучение важнейших проблем социальной истории, которыми та иной раз пренебрегает. Конструктивно ответив на эту критику, социальная история откроет множество новых тем и сфер действительности, которые традиционно оставались вне поля зрения историков. Возникнут новые стимулы для занятий историей. На этой основе станет возможным создание специфических для социальной истории интерпретаций отдельных исторических феноменов или исторических эпох. Не исключена смена акцентов, которые до сих пор в основном расставлялись и обсуждались под углом зрения истории структур и процессов¹⁵.

¹⁵ Наглядным примером может служить новая трактовка национал-социалистического периода. См., например: *Alltagsgeschichte...*, S.11–20; Peukert und Reulecke, 1981.

5. Решающее значение имеет, однако, то, что подобный подход позволяет увязать опыт, восприятие, представления и действия со структурами и процессами. Ведь сугубо эмпирическая история является еще более односторонней абстракцией, чем чистая структурная история. Объединение обеих поставит перед исследователями непростые проблемы, которые предстоит осмыслить прежде всего теоретически (см.: Rüsen, 1983a, S.3–29; 1983b, 1986).

От историков повседневности, которые испытывают недоверие к структурам и процессам и часто даже к профессиональной исторической и социальной науке, в решении этой задачи многого ждать не приходится. Их склонность к микроисторическим деталям, их, как правило, теоретически скудное, но окрашенное симпатией к простым людям пристрастие к реконструкции прошлого (когда при помощи воспоминаний, если они доступны, открываются и освещаются темные ниши), конечно, важны, но часто непродуктивны, сбивают с толку и создают преграды для познания исторического процесса. Повидимому, именно по этой причине анализ связей между опытом и структурами истории повседневности уступают другим или рассуждают о связях в негативных тонах. Они слепо следуют за социальным объектом своих исследований, отражая его своенравную субъективность, ретроградную неприспособленность, страх перед угрожающими жизни могучими процессами модернизации и сопротивление им. Насколько способны сами историки повседневности освободиться от обременяющего их (и других) критичного по отношению к рационализму европейской цивилизации настроения (которое, надо думать, будет усиливаться) – это до конца не ясно. Как в лоне истории восприятий, опыта и действий возникнут синтезирующие понятия, приемы, теории, которые дадут возможность реконструировать историю в ее основных сущностных чертах и связях? Эта возможность заблокирована, пока тон задает тот подход к анализу отношений, который был впервые сформулирован в программе структурной истории 50-х годов. И кто в состоянии увидеть признаки преодоления этого подхода сейчас, на исходе XX в.? Кто может рационально доказать, что наша историческая наука действительно стоит на пороге превращения из воздействующего контекста в действующий, из систем в жизненные миры*? Вряд ли подобное доказательство возможно.

Нет, объединение, скорее, можно будет осуществить на основе изучения структур и процессов. Здесь существуют различные возможности, старые, а также, надо надеяться, новые. Ответ на вопрос о том, как анализируемые структуры и процессы воспринимались, познавались, перерабатывались, принимались или отвергались живущими в конкретную эпоху людьми, можно без труда найти в контексте истории структур и процессов, если активнее чем раньше обращаться к исследованию структур и процессов культуры. При этом, возможно, будут использованы достижения этнографии, этнологии и социальной антропологии, значение которых для социальной истории возрастает (ср.: *Geschichte und Gesellschaft*, 1984, Jg.10, H.3; *Journal of Interdisciplinary History*, 1981, v.12, p. 252–278; Bausinger, 1979; Wiegelmann u.a., 1977).

* См. примечание на стр. 123 данного выпуска THESISa. (Прим. ред.)

Вопрос о причинах структурных изменений часто приводит к проблеме влияния исторических действий на «простых людей»¹⁶. Можно попытаться наглядно показать роль структур и процессов как контекста действий и событий, поскольку в определенных границах и с определенным преломлением исторические структуры и процессы всегда присутствуют в опыте и действиях и потому могут проявляться через них (ср.: Коска, 1984, S.406).

Осуществить подобный синтез способен лишь исследователь, который понимает историю структур и процессов, и в ее свете интерпретирует исторические феномены опыта, действий или повседневности. Поиск теорий или их комбинаций, которые охватывают исторические системы и жизненные миры (см., например: Reif, 1979) будет продолжаться. В любом случае, социальная история является и структурной, и эмпирической историей одновременно. Только в таком сочетании она может быть плодотворной.

ЛИТЕРАТУРА

- Alltagsgeschichte der NS-Zeit.** Neue Perspektiven oder Trivialisierung? München, 1984.
- Bausinger H.** Volkskunde. Darmstadt, 1979.
- Berdahl R.M. (Hg.).** Klassen und Kultur. Sozialanthropologische Perspektiven in der Geschichtsschreibung. Frankfurt, 1982.
- Born K.E.** Der Strukturbegriff in der Geschichtswissenschaft. In: Einem H.v. u.a. Der Strukturbegriff in den Geisteswissenschaften. Mainz, 1973, S.17–30.
- Borscheid P.** Plädoyer für eine Geschichte des Alltäglichen. In: P.Borscheid und H.J.Teuteberg (Hg.). Ehe, Liebe, Tod. Studien zur Geschichte des Alltags. Münster, 1983.
- Bosch M. (Hg.).** Persönlichkeit und Struktur in der Geschichte. Düsseldorf, 1977.
- Bourdieu P.** Zur Soziologie symbolischer Formen. Frankfurt, 1974.
- Brueggemeier F.-J. und Kocka J. (Hg.).** «Geschichte von unten – Geschichte von innen». Kontroversen um die Alltagsgeschichte. Hagen, 1985.
- Brunner O.** Zum Problem der dt. Sozial- und Wirtschaftsgeschichte // Zeitschrift für Nationalökonomie, 1936, Jg.7, S.671–685.
- Brunner O.** Land und Herrschaft [1939]. Wien, 1965.
- Brunner O.** Sozialgeschichtliche Forschungsaufgaben. In: Anzeiger der Phil.-Hist. Klasse der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 1948, S.335–362.
- Brunner O.** Neue Wege der Verfassungs- und Sozialgeschichte. Göttingen, 1980.
- Burke P.** Helden, Schurken und Narren. Europäische Volkskultur in der frühen Neuzeit. Stuttgart, 1981 [engl. 1978].
- Conze W.** Die Stellung der Sozialgeschichte in Forschung und Unterricht // Geschichte in Wissenschaft und Unterricht, 1952, Jg.3, S.648–657.
- Conze W.** Die Strukturgeschichte des technisch-industriellen Zeitalters als Aufgabe für Forschung und Unterricht. Köln, 1957.
- Conze W.** Sozialgeschichte. In: Die Religion in Geschichte und Gegenwart. Tübingen, 1962, Bd.6, S.169–176.

¹⁶ Воздействие движений протеста начала Нового времени на власть имущих уже было показано в недавних исследованиях. См., например, предисловие к: Schulze, 1982.

- Conze W.** Was ist Sozialgeschichte? In: Deuxième Conférence Internationale d'Histoire Économique. Aix-en-Provence 1962. Paris, 1965, p.819–823.
- Conze W.** Sozialgeschichte. In: H.-J.Weehler (Hg.). Moderne dt. Sozialgeschichte. Köln, 1966, S.19–26.
- Conze W.** Social History // Journal of Social History, 1967, v.1, p.7–16.
- Conze W.** Die Gründung des Arbeitskreises für moderne Sozialgeschichte // Hamburger Jahrbuch für Wirtschafts- und Gesellschaftspolitik, 1979, Jg.24, S.23–32.
- van Dülmen R. und Schindler N. (Hg.).** Volkskultur. Zur Wiederentdeckung des vergessenen Alltags (16.–20. Jahrhundert). Frankfurt, 1984.
- Freier H.** Soziologie und Geschichtswissenschaft // Geschichte in Wissenschaft und Unterricht, 1952, Jg.3, S.14ff.
- Geertz C.** The Interpretation of Cultures. N.Y., 1973.
- Haumann H. (Hg.).** Arbeiteralltag in Stadt und Land. Berlin, 1982.
- Husung H.-G.** Protest und Repression im Vormärz. Göttingen, 1983.
- Jantke C.** Vorindustrielle Gesellschaft und Staat. In: A.Gehlen und H.Schelsky (Hg.). Soziologie. Düsseldorf, 1955, S.99ff.
- Jantke C.** Industriegesellschaft und Tradition. In: Verhandlungen des 13. Dt. Soziologentages in Bad Meinberg. Köln, 1957, S.32–52.
- Kocka J.** Arbeiterkultur als Forschungsthema // Geschichte und Gesellschaft, 1979, Jg.5, S.5–11.
- Kocka J.** Klassen oder Kultur? Durchbrüche und Sackgassen in der Arbeitergeschichte // Merkur, 1982, Jg.36, S.955–965.
- Kocka J.** Historisch-anthropologische Fragestellungen – ein Defizit der Historischen Sozialwissenschaft. In: H.Süssmuth (Hg.). Historische Anthropologie. Der Mensch in der Geschichte. Göttingen, 1984a, S.73–83.
- Kocka J.** Theories and Quantification in History // Social Science History, 1984b, vol.8, p.169–178.
- Kocka J.** Zurück zur Erzählung? // Geschichte und Gesellschaft, 1984c, Jg.10, S.395–408.
- Kocka J.** Historische Sozialwissenschaft. In: Bergmann K. u.a. (Hg.). Handbuch der Geschichtsdidaktik. Düsseldorf, 1985a, S.170–172.
- Kocka J.** Worum es geht. In: F.-J.Brüggemeier und H.-J.Kocka (Hg.). «Geschichte von unten – Geschichte von innen». Kontroversen um die Alltagsgeschichte. Hagen, 1985b.
- Kocka J.** Sozialgeschichte. Begriff, Entwicklung, Probleme. Göttingen, 1986a.
- Kocka J.** Antwort an David Sabean // Geschichtsdidaktik, 1986b, Jg.11, S.24–27.
- Koselleck R.** Darstellung, Ereignis und Struktur. In: G.Schulz (Hg.). Geschichte Heute. Positionen, Tendenzen und Probleme. Göttingen, 1973, S.307–317.
- Lepenies W.** Arbeiterkultur. Zur Konjunktur eines Begriffs // Geschichte und Gesellschaft, 1979, Jg.5, S.125–136.
- Martin J.** Die Integration von Erfahrungen. In: F.-J.Brüggemeier und H.-J.Kocka (Hg.). «Geschichte von unten – Geschichte von innen». Kontroversen um die Alltagsgeschichte. Hagen, 1984, S.48–51.
- Medick H.** Plebejische Kultur, plebejische Öffentlichkeit, plebejische Ökonomie. In: R.M.Berdahl (Hg.). Klassen und Kultur. Sozialanthropologische Perspektiven in der Geschichtsschreibung. Frankfurt, 1982, S.157–204.
- Medick H.** «Missionare im Ruderboot»? Ethnologische Erkenntnisweisen als Herausforderung an die Sozialgeschichte // Geschichte und Gesellschaft, 1984, Jg.10, S.295–319.
- Meran J.** Theorien in der Geschichtswissenschaft. Die Diskussion über die Wissenschaftlichkeit der Geschichte. Göttingen, 1985.

- Mommsen H.** Sozialgeschichte. In: H.U.Weher (Hg.). Moderne dt. Sozialgeschichte. Köln, 1966, S.27–36.
- Nagl-Docekal H. und Wimmer F. (Hg.).** Neue Ansätze in der Geschichtswissenschaft. Wien, 1984.
- Niethammer L.** Anmerkungen zur Alltagsgeschichte // Geschichtsdidaktik, 1980, Jg.3, S.231–242.
- Oexle O.G.** Sozialgeschichte – Begriffsgeschichte – Wissenschaftsgeschichte. Anmerkungen zum Werk Otto Brunners // Vierteljahresschrift für Sozial- und Wirtschaftsgeschichte, 1984, Jg.71, S.305–341.
- Peukert D.** Arbeiteralltag – Mode oder Methode? In: Haumann H. (Hg.). Arbeiteralltag in Stadt und Land. Berlin, 1982.
- Peukert D. und Reulecke J. (Hg.).** Die Reihen fast geschlossen. Beiträge zur Geschichte des Alltags unterm Nationalsozialismus. Wuppertal, 1981.
- Reif H.** Westfälischer Adel, 1770–1860. Göttingen, 1979.
- Rüsen J.** Erklärung und Theorie in der Geschichtswissenschaft // Storia della storiografia, 1983a, no.4, s.3–29.
- Rüsen J.** Historische Vernunft. Göttingen, 1983b.
- Rüsen J.** Rekonstruktion der Vergangenheit. Göttingen, 1986.
- Schieder T.** Der Typus in der Geschichtswissenschaft // Studium Generale, 1952a, Jg.5, S.228–234.
- Schieder T.** Zum gegenwärtigen Verhältnis von Geschichte und Soziologie // Geschichte in Wissenschaft und Unterricht, 1952b, Jg.3, S.27–32.
- Schieder T.** Strukturen und Persönlichkeiten in der Geschichte // Historische Zeitschrift, 1962, Jg.195, S.265–296.
- Schieder T.** Geschichte als Wissenschaft. Eine Einführung. München, 1968.
- Schmidt W.** Zur historisch-politischen Konzeption des Heidelberger «Arbeitskreises für moderne Sozialgeschichte» // Beiträge zur Geschichte der Arbeiterbewegung, 1967, Jg.9, S.626ff.
- Schulze W. (Hg.).** Europäische Bauernrevolten der frühen Neuzeit. Frankfurt, 1982.
- Süssmuth H. (Hg.).** Historische Anthropologie. Der Mensch in der Geschichte. Göttingen, 1984.
- Tenfelde K.** Schwierigkeiten mit dem Alltag // Geschichte und Gesellschaft, 1984, Jg.10, S.376–394.
- Tilly Ch. e.a.** The Rebellious Century, 1830–1930. Cambridge, 1975.
- Ullrich V.** Entdeckungsreise in den historischen Alltag. Versuch einer Annäherung an die «neue Geschichtsbewegung» // Geschichte in Gesellschaft und Unterricht, 1985, Jg.36, S.403–414.
- Volkmann H. und Bergmann J. (Hg.).** Sozialer Protest. Opladen, 1984.
- Walters R.G.** Signs of the Times: Clifford Geertz and the Historians // Social Research, 1980, v.47, p.537–556, 582, 585.
- Weher H.-U. (Hg.).** Moderne deutsche. Sozialgeschichte. Köln, 1966.
- Weher H.-J.** Die Sozialgeschichte zwischen Wirtschaftsgeschichte und Politikgeschichte. In: Sozialgeschichte und Strukturgeschichte in der Schule. Bonn, 1975, S.13–26.
- Weher H.-U.** Historische Sozialwissenschaft und Geschichtsschreibung. Studien zu Aufgaben und Traditionen deutscher Geschichtswissenschaft. Göttingen, 1980.
- Wiegmann G. u.a. (Hg.).** Volkskunde. Eine Einführung. Berlin, 1977.
- Williams R.** Innovationen. Über den Prozesscharakter von Literatur und Kultur. Frankfurt a.M., 1977.